

УДК 398.21

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-1-13-89-103

Этнопоэтические константы как показатель текстовой репрезентации ключевых звеньев сказочного нарратива (на примере синьзян-ойратской и калмыцких версий сказки об Ёёт Мерген Темне)

*Евдокия Эрендженовна Хабунова*¹

¹ Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
доктор филологических наук, профессор
E-mail: khabunova@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Хабунова Е. Э., 2020

Аннотация. В статье рассматривается текстовая реализация этнопоэтических констант в сказочном нарративе синьзянских ойратов и российских калмыков. Исследование базируется на теории художественных констант В. М. Гацака, определяемых как «манifestационно-вербальная материя с „ядерными“ опорными словами и сочетаниями». Анализу подвергаются национальные версии (синьзян-ойратская и калмыцкие) сказки «Өөт Мергн Темн» (Ёёт Мерген Темне), записанные в разное время у различных сказителей на территории Синьзян-Уйгурского автономного района Китайской Народной Республики и Республики Калмыкия Российской Федерации. Показано, что константы помогают распознать ключевые звенья в структурно-содержательной модели сказочного нарратива и определить этническую специфику фольклорного произведения.

Ключевые слова: сказка, национальные версии, калмыки, ойраты, этнопоэтическая константа, разновременные записи, структурно-содержательная модель

Благодарность. Исследование проведено в рамках проекта РФФИ и Академии общественных наук Китая № 19-512-93002 «Фольклор народов Шелкового пути: ойрат-монголы Китая и калмыки России (от сказки к эпосу)». Материалы статьи апробированы на Международной научной онлайн-конференции «Монголоведение в начале XXI в.: современное состояние и перспективы развития – II», проведенной при финансовой

поддержке РФФИ (проект № 20-09-22004) и частичной поддержке гранта Правительства РФ (№ 075-15-2019-1879).

Для цитирования: Хабунова Е. Э. Этнопоэтические константы как показатель текстовой репрезентации ключевых звеньев сказочного нарратива (на примере синьзян-ойратской и калмыцких версий сказки об Ёёт Мерген Темне) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 1. С. 89–103. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-1-13-89-103

UDC 398.21

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-1-13-89-103

Ethnopoetic Constants as an Indicator of the Textual Representation of the Key Links of the Fairytale Narrative (on the Example of the Xinjiang Oirat and Kalmyk Versions of the Fairytale about Yoot Mergen Temen)

*Evdokia E. Khabunova*¹

¹ Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov (11, Pushkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Professor

E-mail: khabunova@mail.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Khabunova E. E., 2020

Abstract. The article discusses the text realization of the ethnopoetic constants in the fairytale narrative of the Xinjiang Oirats and Russian Kalmyks. The study is based on the theory of literary constants of V. M. Gatsak that are defined as “manifestational-verbal matter with ‘core’ overarching words and word-combinations”. The analysis covers national versions (Xinjiang Oirat and Kalmyk) of the fairytale “Yoot Mergen Temen” recorded at different times from different storytellers on the territories of the Xinjiang-Uighur Autonomous Region of PRC and the Republic of Kalmykia in the Russian Federation. It is pointed out that constants help to identify the key links in the structural and content model of the fairytale narrative and determine the ethnic specific character of the folklore pieces of work.

Keywords: fairytale, national versions, Kalmyks, Oirat, ethnopoetic constant, asynchronical recordings, the structural and content model

Acknowledgement. The research was funded by RFBR and Academy of Social Sciences of China under the scope of research project № 19-512-93002 “The Folklore of the peoples of the Silk Road: Oirat-Mongols of China and Kalmyks of Russia (from fairy tale to epos)”. The article was presented at the international scientific online conference “Mongolian Studies at the beginning of the 21st century: Current State and Development Prospects – II”, held with the financial support of RFBR (project № 20-09-22004) and partial support of the Russian Government Grant (№ 075-15-2019-1879).

For citation: Khabunova E. E. Ethnopoetic Constants as an Indicator of the Textual Representation of the Key Links of the Fairytale Narrative (on the Example of the Xinjiang Oirat and Kalmyk Versions of the Fairy tale about Yoot Mergen Temen). In: *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2020. No. 1. Pp. 89–103. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-1-13-89-103

Основу сказочного повествования составляет набор смысловых стереотипов, выраженных в тексте в виде устойчивых поэтико-стилевых сегментов, определяемых нами как «этнопоэтические константы» (термин В. М. Гацака). Их постоянство, прежде всего в их вербальном воплощении, помогает определить признаки, присущие жанру, традиции, тексту определенного фольклорного произведения.

Один и тот же фольклорный образец варьируется при каждом новом исполнении, но, благодаря константным компонентам, его ядерная часть сохраняется. Константа позволяет учитывать как «основной вариант», так и его мультипликаторы, тем самым «отражая как формульно-композиционную сторону, так и содержательно-понятийную суть <...> текста» [Гацак 2018: 25]. Совокупность лексических единиц, собранных в «пучок» опорным словом, и их реализация в фольклорном тексте происходят в соответствии с особенностями языка, культуры, менталитета народа. Такие константные сегменты помогают распознать ключевые звенья в структурно-содержательной модели фольклорного нарратива и этническую специфику фольклорного произведения.

Обратившись к тексту синьцзян-ойратской и калмыцких версий сказки «Ёёт Мерген Темне», попытаемся рассмотреть, как этнопоэтические константы проявляют себя в сказочном нарративе, зафиксированном в разное время среди российских калмыков и их сородичей — ойратов Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая. Следует оговориться, что исследование будет сконцентрировано на анализе синьцзян-ойратской сказки, записанной Эренцеем у своего отца Чимбея 25 января 1988 г. в местности Деежиншийан [Dumdadu ulusiyin... 2006], и различных вариантов калмыцкой сказки об Ёёт Мерген Темне, прежде всего, сказок из репертуара калмыцких сказителей Муутла Буринова [Седклин күр 1960] и Шани Боктаева [Алтн чеежтэ келмрч... 2010]. Отмеченные калмыцкие сказки отличаются сюжетно-содержательной последовательностью и целостностью от вариантов, зафиксированных в наше время во время экспедиции на территории Республики Калмыкия у А. С. Убушиевой и у И. М. Болдыревой [Хуучн үгд худлуга 2018]. Обращение к дополнительным калмыцким источникам в данном исследовании носит фрагментарный характер.

Сюжет рассматриваемых образцов сказок об Ёёт Мерген Темне выстроен по модели, характерной для волшебной сказки: герой (Ёёт Мерген Темне) отправляется в чужую страну по заданию хана (добыть невесту хану), участвует в брачных состязаниях (побеждает в двух видах состязаний, третье испытание преодолевает, обратившись за советом к помощникам), вступает в конфликт с чужеземным ханом (хан оставляет героя в своей стране против его воли), далее следует мнимая болезнь (поиски лекарства, созыв врачей, обращение к книге предсказаний *шар бичиг*), месть героя (герой наказывает чужеземного хана, лишает его богатства), герой отправляется в свою страну (в пути замысливает забрать невесту своего хана), хан узнает о замыслах героя и наказывает его (выкалывает глаза), герой подвергается остракизму (живет уединенно, но получает вести из ханской ставки), в ставке хана возникают проблемы, и он вызывает героя (герой помогает хану воздвигнуть дворец / храм, остановить потоп), хан прощает героя (возвращает зрение), счастливый конец (в стране наступают мир и благоден-

ствие). К числу волшебных сказок данная сказка была отнесена и исследователями калмыцкого сказочного фольклора [Надбитова 1970; Эльбикова 2019; и др.].

Обнаружить отмеченные выше структурно-содержательные сегменты в сказочном нарративе помогают константные единицы, которые обеспечивают их устойчивость на вербальном уровне и служат маркером идентификации одного сказочного сюжета (мотива, образа, формулы), сохранившегося в разных текстах, более того, зафиксированных в разное время, в разных странах у представителей некогда одного этноса (ойратов), разделенного временем (более 400 лет). Попытаемся определить характер и уровень вербального совпадения константных единиц синьцзян-ойратской сказки в калмыцких версиях.

Герой (Ёёт Мерген Темне) отправляется в чужую страну

В синьцзян-ойратской версии сказки «*Ötü Mergen temne*» отправление героя в путь описано так: *Эн Өөт Мерген Темне хаандан Китд орни Ноһан Дэркиг залхар миңһн тавн зун күм дахулад* (здесь и далее по тексту выделены автором статьи), *тавн зун хар темэнд, тавн зун цаһан темэнд алтн мөңгн, эд-эрдньс ачад, өдр сө залһад, кедун сар йовад, Китдин орни захар орад, хаани ордони хажу шидр күрэд, хошан татад буудг чиг.* ‘Чтобы доставить из Китая Ноган Дярке для своего хана, этот Ёёт Мерген Темне отправился в путь в сопровождении тысячи пятисот человек, навьючив золото, серебро, драгоценные ткани на пятьсот черных и пятьсот белых верблюдов, не останавливаясь ни днем, ни ночью, добирался до окраин Китая и недалеко от ханской ставки обустроил свою временную стоянку’¹ [Dumdadu ulusiyin... 2006: 61].

Матримониальный характер поездки допускает в её описании этнографические реалии свадебной обрядности монгольских народов в виде формирования свадебного поезда из числа лучших представителей родовой общины. Но для выполнения задания сказочный герой, как правило, отправляется в дорогу один и по пути обретает себе помощников. Манифестация численности «сопрово-

¹ Здесь и далее по тексту дается перевод автора статьи.

ждения» героя в пути (она выделена в оригинальном тексте жирным шрифтом), видимо, не случайна. Как отмечал В. Я. Пропп, «если установлена связь между обрядом и сказкой, то обряд служит объяснением соответствующего мотива в сказке» [Пропп 1996: 26].

Попытаемся рассмотреть, как эта особенность синьцзян-ойратской сказки проявит себя в калмыцких версиях сказки об Ёёт Мерген Темне.

«Ёёт Мерген Темне»: *Сарин сээһинь сэкэд, өдрин сээһинь олад, һурвн долан хонгт нэр-наад кеһэд, зун сэн көвүдэн дахулад* Өөд Мергн Темн түшмл нарн һарх өрүн үд үзг темцэд һарв. Кесг цагтан йовад, кемжэн уга йовад, ут зурснднь – йовад, төгрг зурснднь – хонад, таварн бээдг *Тал хаани алвтин захар орж ирв.* ‘Ёёт Мерген Темне, выбрав лучший день в начале лучшего месяца, устроил на три недели пир-веселье и в направлении полуденного солнца отправился в путь вместе со ста лучшими юношами. Продолжали путь, потеряв счет времени, двигаясь там, где путь обозначен линией, ночуя там, где нарисован круг и достигли окраин безмятежного хана Тал’ [Седклин күр 1960: 11]; *Би йовад куцэхув, зуг зун арнзл мөр белдтн, зун сэн көвүд белдтн. Нег зүсн хувцта, нег зүсн мөртә. Зун бедр эрктә, зун хөөнә махта. Цугтаһинь белднә. Тер кевтән һарад йовна. Долан-долан дөчн йисн хонгт йовад, Баатр Бумбин орнд күрэд, Бадмин Улан нертә хаанд күрэд, алтн шатта худгин амн деер нэр-жирһл кеһэд бээнә* ‘Я отправлюсь и выполню [сосватаю невесту], но подготовьте сто скакунов-аранзалов, сто лучших юношей. Пусть они будут в одинаковой одежде и на конях одной масти. Приготовьте сто бедер [кожаный сосуд] водки, сто бараньих тушек. Все приготовили. Так отправился в путь. Продолжив путь в течение семью семь — сорока девять дней, добрался до страны хана по имени Бадмин Улан, расположившись у колодца с золотым срубом, пребывал счастливо, пируя’ [Хуучн үгд худл уга 2018: 70].

Константа *зун сэн көвүдэн дахулад* (‘в сопровождении ста юношей’), присутствующая в калмыцких версиях сказки об Ёёт Мерген Темне, демонстрирует не только структурно-содержатель-

ное сходство, но и текстовое единообразие в реализации сказочного мотива. В варианте сказки калмыцкого сказителя Ш. В. Боктаева акцент сделан на констатацию причины отправления героя в путь (*Нег дэжэ Ээд Мерген Темн хан суух көвүнд хадмуд хээһэд һарна*) ‘Однажды Ээд Мерген Темне отправился в путь, чтобы сосватать невесту юноше — будущему хану’, которая в синьцзян-ойратской сказке манифестируется синонимично: *хаандан Ноган Дэркиг залхар* ‘чтобы сосватать своему хану Ноган Дярке’ [Алтычеежтэ келмрч... 2010: 63].

Участие героя в брачных состязаниях

В троичности брачных испытаний особо выделяется своей сложностью финальное задание. Чтобы справиться с третьим испытанием, герой вынужден обратиться за помощью к тому, кто владеет особыми знаниями, имеет доступ к ханскому дворцу или знаком с тайным умыслом отца невесты. В рассматриваемой синьцзян-ойратской сказке действия разворачиваются по аналогичному сценарию. Помощником оказывается старуха-повитуха, воспитавшая ханскую дочь: *Тер Ноган Дэркиг асрад өскен нег эмгн бээсиг < > олж авад: Ноган Дэркиг яһж таньжэ авна келэд өгтн гихлэ, эмгн: < > мана хан хол өөриг меддг ховч шар бичгтэн үзэд, медж оркад, < > намаг алж оркна* ‘Нашел <> одну старуху, которая вскормила и воспитала ту Ноган Дярке и, когда он попросил её подсказать, как распознать (среди других) Ноган Дярке, старуха ответила: хан узнает об этом (о подсказке) <> из своей всезнающей желтой книги, которая предсказывает то, что случится скоро и произойдет в будущем и убьет меня’. [Dumdadu ulusiyin... 2006: 62].

Обнаружить созвучные мотивы в калмыцких версиях помогает упоминание тех же персонажей (старуха, перерезавшая пуповину невесты и воспитавшая невесту), с помощью которых герой пытается решить свою задачу, и предмета (гадательная книга *шар бичиг*), который представляет опасность для реализации задуманного плана: *Ээт Мерген Темнд нөкд болх кергтэ, гижэ эмгнь келхлэ, өвгн: «Уга, болиго. Яһад гихлэ, байнд шам гисиг энндго шар бичг бээнэ. Мадниг келхлэ, байн шар бичгэн татад, мадна келсиг медэд,*

хээчлэ мэдниг харһулх» болна ‘Когда его [старика] старуха предложила помочь Ээт Мерген Темне, старик возразил: «Нет, невозможно. Потому что у богача есть желтая гадательная книга, которая не знает ошибок. Если мы скажем, богач открывает свою желтую книгу, узнает о нашей подкаске и казнит нас»’ [Алтн чеежтэ келмрч 2010: 66]; *Эк болсн эмгн* нанд дөңгөн эс күргхий, гиж уха-лад, Өөд Мергн Темн < > : *Ээж тиим олн эдл күүкд заагас хана күүк яһэс таньэс болх гив.* < > *Келхлэ, хана шар бичгт келсн күн һарч ирх.* ‘Подумав, что ему может помочь старуха-повитуха, Ёёт Мерген Темне обратился к ней < > Матушка, как узнать ханскую дочь среди множества похожих девушек. < > К слову сказать, то тот человек проявится в желтой книге хана’ [Седклин күр 1960: 14]; *Эк болсн экнь* < > *Тер күүкн ямаран тамһта, яһэс таньхнь* < > *нанд келдг арһ уга, юңгад гихлэ, хээчлэ харһулх, гинэ. Келэс өгсн күүг медчкдг* < > *шар бичг бээнэ* ‘Его матушка: < > мне нельзя говорить, по какой примете можно узнать невесту < >, потому что меня казнят за это. Есть желтая книга < >, которая узнает про подкасававшего человека’ [Хуучн үгд худл уга 2018: 70].

Подкаска для третьего испытания, сопряженная с угрозой для жизни героя и его помощника, предполагает поиск необычного способа её реального воплощения. Выход героя из создавшейся трудной ситуации в синьцзын-ойратской сказке описан так: *Нег ик хээс нерэд, хээсн дотр дүүртл ус кеһэд, усн дотр эмгиг орулад суулһэс оркад, амнднь нег өрвг зуулһад оркад, эврэн бийнь нег бөдун модн суулһ дотр орад сууж оркад, суулһин амиг термин чолуһар дарулад, хойр чикндэн үкрин хойр өвр углад бэрэс авад чиңгндг чигн.* ‘Поставил [на треногу] большой котел, заполнил котел водой доверху, посадил старуху в воду, дал ей в зубы перо [птичьё], сам уселся в большое деревянное ведро, накрыл его жерновым камнем, приложил к ушам коровьи рога и стал слушать’ [Dumdadu ulusiyin... 2006: 62].

В текстовой репрезентации этого эпизода в калмыцких вариантах сказки участвуют те же знаменательные лексические компоненты: *Ик тулһ deer хээс нерэд, тер хээснд ус кеһэд, усн deerэн шовуна өрвг тэвэд, тер усн дотран экэн орулэс суулһв. Хээснэ*

бүркэсиг шаврар шавчкад, цорһ тэвдг нүкэрънь бүрэ бүшкүрин нэрхн талаһурнь орулад, бүрэ бүшкүрин ик аминь бишинь чикндэн бэрэд, бичкн амарнь экэн келүлв. ‘Поставил на большую треногу котел, налил в этот котел воды, положил на воду птичий пух и посадил в эту воду свою матушку. Крышку котла замазал глиной, через отверстия для трубки просунул узкую часть духового инструмента *бюре-бишкюр*, широкую часть его отверстия приложил к своему уху, а матери велел говорить в узкое отверстие’ [Сед-клин күр 1960: 15]; *Малтсн нүкн дотр өвгиг улу дер деер зогсаһад, көөтэ цө хээснэ йоралынь нүклэд, толһа деернь өмскэд, цаһан мөңгн сурулар келүлнэ. Бийнь болхла < > зес сурулар келсиг чиңнэ* ‘В вырытой яме поставил старика на пуховую подушку, надел на его голову покрытый сажей чугунный котел и, продырявив его дно, велел старику говорить через серебряный мундштук, сам же стал слушать его через медный мундштук’ [Алтн чеежтэ келмрч... 2010: 66]; *Та онһцта усн дотр өрүлг дер тэвчкэд, дер деернь су-утн, би модн бүркэсэр бүркэд, төмр турва орулж өгнэв. Тер төмр турваһар нанд келж өгтн. Та амндан бэртн, би чикндэн бэрнэв. Тишхлэ юм медшго. Тигэд тер кевэр эмгн келж өгв* ‘Вы положите пуховую подушку в корыто с водой, сами садитесь на подушку, я накрою вас деревянной крышкой и просуну туда железную трубу. Через эту трубу вы скажите. Вы держите [трубу] у своего рта, я буду держать у своего уха. Тогда ничего не узнают. Тогда старуха так и рассказала’ [Хуучн үгд худл уга 2018: 70].

Процесс коммуникации героя и его помощников, описание их внешности в гадательной книге отображаются неправдоподобно: *усн гүзэтэ, өрвлг амн келж өгв, чолун толһата, модн цогцта өвр чикн соңсв* ‘сказал пуховый рот с водяным животом, услышали рога с чугунной головой и деревянным туловищем’ [Dumdadu ulusiyin... 2006: 62].

Несуразность ответа книги предсказаний *шар бичиг* в калмыцких вариантах передается сходными поэтико-стилевыми слагаемыми сказочного повествования: *көөтэ цө махлата* ‘человек с чугунной шапкой (головой)’, *улу деер* ‘на пуховой подушке’, *цаһан мөңгн амта* ‘с серебряным ртом’, *зес чиктэ* ‘с медными ушами’

[Алтн чеежтэ келмрч... 2010: 67]; *хурвн болд көлтэ* ‘с трем стальными ногами’, *цө арста* ‘с чугушной кожей’, *усн бийтэ* ‘сам состоит из воды’, *өрүлг махмудта* ‘пуховой мускулатурой’, *модн тиирцгтэ* ‘с деревянной шляпой’, *шавр бүстэ* ‘с глиняным поясом’, *модн махлата* ‘с деревянной шапкой’, *живртн судцта* ‘с пульсом как у пернатых’ [Седклин күр 1960: 15–16]; *төмр хоолта* ‘с железной гортанью’ [Хуучн үгд худл уга 2018: 70].

Описание третьего вида брачных испытаний во всех рассматриваемых сказочных нарративах сосредоточено на фиксации признаков, по которым герой узнает ханскую дочь среди многочисленных похожих девушек. Совокупность константных конструкций, указывающая на отличительные особенности ханской дочери, не отличается однородностью в национальных версиях сказки, но при этом лексико-синтаксические образования разной величины имеют одинаковое семантическое значение и выполняют одинаковую роль в повествовательной модели сказки: *Әдл биш тавн зун күүкиг әдлхн сәәхн хувцлж авч ирәд суулһна. Тер цагт улан шар хойр күж умулһад бәрж авад, тавн зун күүкнә өмнәһүр йовхла, чини улан күжсин утан шубту Одад Ноһан Дәркин барун нукин хамрар орад, зүн хамриннь нүкәр һарад бәәх; барун чикнәснь бөөсни чинән шар зөг һарад, зүн чикәрнь орад жшиггәд нисәд бәәх* ‘Привели и посадили пятьсот разных девушек, нарядили в одинаковые одежды. В этот момент возьми красную и белую две курильницы с благовониями, когда пройдешь мимо пятисот девушек, то дым от красной курильницы будет входить в правую ноздрю и выходить через левую ноздрю Ноган Дярке; из правого уха будет, жужжа, вылетать и залетать в левое ухо жёлтая пчела, величиной с вошь’ [Dumdadu ulusiyin... 2006: 62].

Особыми приметами, по которым в калмыцких версиях сказки Ёёт Мерген Темне узнает невесту, оказываются: молитвенные символы на её зубах (*шүднднь «м» гидг үзг бәәнә* [Алтн чеежтэ келмрч... 2010: 67]; *шүднднь зурһан маанин үзг узгөв* [Седклин күр 1960: 15]), золотые мухи, которые попеременно садятся на её плечи (*ээм деер хойр алтн батхн селәд сууһад бәәнә* [Алтн чеежтэ келмрч... 2010: 67]); *алтн батхн барун зүн ээм деернь селж бу-*

ухмн [Седклин күр 1960: 15]; *тер алтн батхн зүн эм деераснь барун эм деернь сууһад бээдг* [Хуучн үгд худл уга 2018: 70].

Религиозная семантика, вербализованная в сказке ойратов Китая константной единицей *күж* (можжевелик, используемый в обрядовой практике как благовоние), также присутствует в калмыцкой сказочной традиции, но в рассматриваемых вариантах сказки о Ёёт Мерген Темне её текстовое воплощение выглядит иначе: *маанин үзг* ('молитвенные знаки'). Метафорической заменой желтых ос *шар зөг* в калмыцких вариантах сказки стали золотые мухи *алтн батхн*. При всей своей вариативности рассматриваемый «мотив обеспечивает логическую последовательность повествования, передает остроту коллизии двух противоборствующих сторон», а этнопоэтические константы позволяют обнаружить «типологическое сходство генетически родственных традиций, высвечивают её архаический пласт и особенности сказительского творчества» [Хабунова 2018: 46].

В исследуемых нарративах встречаются интересные сведения, манифестирующие общность обрядовой традиции калмыков и синьцзянских ойратов, в частности, древний обычай оставления у родителей невесты одного человека из свадебного поезда. В текстовом воплощении константа «обмена» выглядит так: *Ноһан Дэркиг авад, гиичин күмүс йовх деер, Китдин хан Өөт Мергн Темниг авад, гиичин цаһан үснд авад хоцржэ, гинэ* 'Перед тем, как гости собирались в путь, забрав Ноган Дярке, китайский хан забрал Ёёт Мерген Темне к качеству подарка-отдарка «материнское молоко» и уехал, говорят' [Dumdadu ulusiyin... 2006: 62]; *Күүкэн өгх болад, байн*: «Күүкнәннь ормд, Ээт Мергн Темн, чамаг үлдээж авнав», — *гинэ* 'Богач согласившись отдать дочь, говорит: 'Вместо своей дочери я заберу тебя, Ёёт Мерген Темне [Алтн чеежтэ келмрч... 2010: 67]; *Һанихн күүкэн һазрин холд өгчэх, экин үсн гижэ чамаг бийичнь көвү кежэ үлдээж авчанав*, — *гижэ* *Тал хан зэрлг болв* 'Тал хан приказал так: Я оставлю и усыновлю тебя самого вместо своей единственной дочери, которую отправляю на чужбину' [Седклин күр 1960: 16]; *Күүкэн өгхлэрн, танас нег кү үлдээж авнав*, — *гижэ хан келнэ*. *Өөт Мергн Темниг үлдээж авна* 'Когда отдам свою дочь,

то из вас одного человека' оставлю у себя, сказал хан. Оставил у себя Ёёт Мерген Темне' [Хуучн үгд худл уга 2018: 69].

В художественно-содержательной модели исследуемых образцов сказок выделяется мотив мнимой болезни. В его текстовой реализации также присутствуют лексические единицы или синтаксические конструкции, отличающиеся константностью: *Хөөнэ холһата цусиг цаһан кив торһар нурһндан хадад баглэж оркад, геснэ туульһһн ирв, халун кичг ирв гиһад, зогсл уга мөрән үзэд, мөр үзгсн һазртан одак цуснасн хадхад, баһ баһар һоожулэж оркад, гертән үкгсн така, тээгн ноха хаяд, үмкэрүлэж оркад* көдлл уга кевтдг чигн 'Закинул за спину баранью толстую кишку, наполненную овечьей кровью, завязанную тонким шёлком, стал жаловаться, что у него расстройство кишечника, и беспрестанно выбегал, якобы по нужде, и на том месте понемногу выпустил кровь из проткнутой кишки, затем закинул в свой дом мертвых курицу и собаку [охотничью] и залег, дожидаясь, пока они не начнут смердеть' [Dumdadu ulusiyin... 2006: 62]; *Би таниг дакад меклдм гижэ Өөд Мергн түшмл санад, үксн шову олж авад, өврлэд кевтв* 'Подумав: «Я ещё раз обману вас», Ёёт Мерген Темне нашел мертвую птицу и залег, положив её рядом' [Седклин күр 1960: 16]; *Өөт Мергн Темн һарад, мөрән үзжэ йовад, нег үксн шову авч ирэд, битәһән хадһлна. < > дегд үмкэрэж одв* ('Когда Ёёт Мерген Темне выходил по нужде, принес с собой мертвую птицу и положил рядом, < > она засмердила' [Хуучн үгд худл уга 2018: 69].

Имитация болезни, описанная в синьцзын-ойратской версии, в калмыцких вариантах анализируемой сказки отсутствует, но константные единицы, иллюстрирующие процесс подготовки мнимого больного к визиту врача, отмечены во всех нарративах: герой приносит домой мертвую собаку и курицу (синьцз.-ойрат.), мертвую птицу (калм.) в надежде, что трупный запах отпугнет врача. Лекарь вынужден произвести осмотр больного через решетчатую стенку юрты и диагностирует не его, а труп: *үксн нохан судцин һарч бээна, үксн такан судцин һарч бээна* 'ощущаю пульс мертвой собаки, ощущаю пульс мертвой курицы' [Dumdadu ulusiyin... 2006: 63]; «Эмн судциндан бэр», — гинэ эмч-лам. < > Эмч лам: «Хумстн,

хумстн» — *гнһэд* (‘Приложи к своему пульсу, сказал лама-врач. < > Произнес: «Пернатый, пернатый» [Алтн чеежтэ келмрч... 2010: 68]; *Уксн живртнэ судцта* ‘у него пульс мертвого пернатого’ [Седклин күр 1960: 16].

Во всех рассматриваемых нарративах константностью отличается упоминание шелковой нити *торһн утцн*, красной нити *улан утцн*, которую врач (лекарь, лама) использует для бесконтактно-го определения пульса больного: *Герин һазһаһас улан утцар Өөт Мергн Темнэ судц бэрдг болад, утц орулж өгхлэ, одак утциг Өөт Мергн Темн така нохагин көлд уяд бээхлэ, терүгэр эмч домч зурхачнр утцар дамжад, судцигинь бэржэ* ‘Когда решили, что Ёёт Мерген Темне будут диагностировать с улицы через красную нить, протянули нить вовнутрь [дома], а Ёёт Мерген Темне эту нить привязал к ногам собаки и курицы, тогда врачи (знахари, астрологи) через нить прощупали пульс’ [Dumdadu ulusiyin... 2006: 63].

Здесь уместно замечание Б. Н. Путилова о том, что «содержанием фольклора становится то, что выявилось и определилось как элемент бытовой структуры народной жизни» [Путилов 1976: 180]. Наличие константы «шёлковая нить» и в калмыцком сказочном нарративе свидетельствует о широкой практике использования хурульными врачами шёлковой нити (тончайшей) для определения ритма пульса: *Герин иргэр торһн утц өгнэ. Ээт Мергн Темн торһн утц такан амн судцнд бэрнэ* ‘Через полог кибитки дали шёлковую нить. Ээт Мерген Темнее приложил шелковую нить к пульсу курицы’ [Алтн чеежтэ келмрч 2010: 68]; *Арша ик лам хальмг герин барун баһцарнь торһн утц орулж < > һарасн бооһад ас, — гижэ. Өөт Мергн Темн уксн шовуна көлэс торһн утц бооһад өгв* ‘Верховный Арша лама подал шелковую нить через правое соединение решётки калмыцкой кибитки и сказал: привяжи к своей руке. Ёёт Мерген Темне шёлковую нить привязал к ноге мертвой птицы’ [Седклин күр 1960: 16].

В качестве других лекарств для «больного» называется пере-чень невозможного: кровь овечьего рубца *хөөнэ гүзэнэ цусн*, пепел белого сандала *цаһан зандни үнсн*, пепел тонкого шёлка *кив торһна үнсн* (синьцз.-ойрат.); кровь рубца *гүзэнэ цусн*, кровь ове-

чьего рубца *хөөнэ гүзэнэ цусн*, пепел сандала *зандн модна үнсн*, роговица глаз человека *күүнэ нүднэ хальсн* (калм.).

К числу стабильных поэтико-стилевых сегментов, демонстрирующих сходство синьцзян-ойратской и калмыцкой версий сказок об Ёёт Мерген Темне, относится формула обмана. Герой вводит в заблуждение претендентов на брачный союз, отмечая их достоинства и недостатки. В текстовой реализации характеристики персон особо выделяются константа устрашения: *Мана хан хувлһтэ хутугту сээни сэн хан, гитл эрин бааснас илү үмкэ амта юмн* ‘Наш хан — воплощение Хутугту, лучший из лучших хан, но запах из его рта подобен зловонью экскрементов’ [Dumdadu ulusiyin... 2006: 64]; *Хатун хувлһтэ хутугта чиг сээхн хатн, зуг туула урлта юмн* ‘Ханша — воплощение Хутугту, но у неё заячьи губы’ [Dumdadu ulusiyin... 2006: 63]; *Залу залу-ла, зуг барс амта, Күүкн күүкн-ла, зуг туула урлта* ‘Мужчина, есть мужчина, но у него рот как у барса; Девушка, как девушка, но с заячьими губами’ [Алтн чеежтэ келмрч 2010: 69–70]; *Хан хан минь, зуг барс амта; Мин сиитнь мин күнд, ямдаган гегэнэ хувлһэн, зуг туула урлта* ‘Хан — настоящий хан, но со ртом барса; Суженая — настоящий человек, воплощение Ямантаки, но с заячьей губой’ [Седклин күр 1960: 17–18].

Исследование показало, что константы высвечивают одни и те же устойчивые сегменты в текстовой реализации мотивов, играющих важную роль в структурно-смысловой модели сказочного повествования как в синьцзян-ойратской, так и в калмыцкой сказочной традиции. Факты совпадений очерчивают круг понятий, мотивов, ситуаций, составляющих сюжетное ядро, общее для национальных, но разновременных и инотерриториальных версий сказки об Ёёт Мерген Темне. Они демонстрируют традиционную основу сказочного повествования, на базе которой происходят вариативные изменения, что проявляется на уровне сюжета, мотивов и других типизированных явлений. Микроконстанты (лексема, лексические сочетания) помогают уловить текстовые соответствия и вариативные расхождения в фактурно-стилевой структуре типизированных мест во всех рассмотренных сказочных нарративах.

Сокращения

синьцз.-ойрат. — синьцзян-ойратский
калм. — калмыцкий

Литература

- Алтн чеежтэ келмрч... 2010 — Алтн чеежтэ келмрч Боктан Шаня. Хранитель мудрости народной Шаня Боктаев / сост., предисл., коммент. и прилож. Б. Б. Манджиевой. Элиста: КИГИ РАН, 2010. 172 с.
- Гацак 2018 — *Гацак В. М.* Этнопоэтические константы северно-русских и белорусских плачей: опыт систематизации // Фольклор: традиция и эксперимент / сост. В. М. Гацак; отв. ред. В. Л. Кляус, Е. В. Минёнок. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 23–65.
- Надбитова 2006 — *Надбитова И. С.* Сюжеты, образы и стилевые особенности калмыцких волшебных сказок: дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 26 с.
- Dumdadu ulusiyin... 2006 — Ötü Mergen temne. Dumdadu ulusiyin Şinjiyang-giyin mongyol aradiyin aman üliger-yin emkidkel. Ürümçi: Şinjiyang-giyin aradiyin keblel-yin хорõ, 2006. Kh. 61–69.
- Пропп 1996 — *Пропп В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. 2-е изд. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. 365 с.
- Путилов 1976 — *Путилов Б. Н.* Методология сравнительно-исторического изучения фольклора. Л.: Наука, 1976. 243 с.
- Седклин күр 1960 — Седклин күр // Ясад, барт белдснь Букшан Б. Элст: Хальмг дегтр нарһач, 1960. 96 х.
- Хабунова 2018 — *Хабунова Е. Э.* Мотив брачных состязаний в национальных версиях эпоса «Джангар»: диапазон варьирования // Сетевое востоковедение: устные и письменные традиции в контексте межкультурного взаимодействия: мат-лы II Международного научного форума (29 ноября – 2 декабря 2018 г.). Элиста: Изд-во Калм. гос. ун-та, 2018. С. 44–47.
- Хуучн угд худл уга Кеерин хураңу — Хуучн угд худл уга Кеерин хураңу материал. Истина древней словесности. Коллекция экспедиционных материалов [Текст] / сост., автор вступительной статьи на калм. яз. Е. Э. Хабунова. Элиста: НПП «Джангар», 2018. 316 с.
- Эльбикова 2019 — *Эльбикова Б. В.* Калмыцкие сказки «Седклин арвн хойр бөлг» / «Запомнившиеся двенадцать глав»: жанровая специфика, композиционные и поэтико-стилевые особенности»: автореф. канд. дис. ... канд. филол. наук. М., 2019. 21 с.